

То, что вспоминается

Новая книга воспоминаний о русской эмиграции

Имя Николая Ефремовича Андреева по праву занимает одно из ведущих мест в ряду выдающихся деятелей русской эмиграции. Ученый-историк, литературовед, искусствовед, архивист, педагог — вот далеко не полный перечень основных направлений деятельности Н.Е.Андреева. Его перу принадлежат работы по истории Древней Руси, выполненные на уровне открытий, такие, как «О деятельности Ивана Висковатого, печатника Ивана IV», история Псково-Печерского монастыря, «История послания старца Филофея о Москве как о «третьем Риме», литературоведческие статьи «Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом», о творчестве Б.Зайцева, В.Набокова, А.Ремизова, Л.Зурова и др.

Всего же Н.Е.Андреевым написано несколько десятков статей и рецензий на темы литературы и искусства, начиная с первой, посвященной вечеру Северянина и опубликованной в 1925 г. в ревельских «Последних известиях» и кончая написанными незадолго до своей смерти «О русской литературной Праге» («Русский Альманах», 1981), «Р.Б.Гулю» («Русская мысль», 15 окт. 1981) и др.

Николай Ефремович редактировал первые номера ревельской «Нови», в 1948 г. выступил как прозаик, напечатав сатирическую повесть «Похождения Чичикова за границей» (журнал «Россиянин», Лондон).

Что касается педагогического таланта Николая Ефремовича, то приведем слова его коллег и учеников:

«Его красноречивые лекции, всегда живые, увлекательные, привлекали толпы студентов. Энтузиазм Н.Е.Андреева заражал других людей... и не удивительно, что нет кафедры в британских университетах, где не преподавали бы его бывшие ученики и почитатели» («Русская мысль», 11 марта 1982 г.)

Сегодня мы имеем возможность познакомиться с Н.Е.Андреевым-мемуаристом. К сожалению, автор не мог написать свои воспоминания: после неудачной глазной операции в 1978 году он потерял такую возможность. Ему пришлось наговаривать их на магнитофон, в надежде, что когда-нибудь его дети «в дождливую погоду прослушают некоторые из рассказов своего отца». Однако то, что сохранила прекрасная память мемуари-

ста и теперь издано, выходит далеко за семейные рамки.

По охвату событий, времени и географии их свершений, по огромному числу имен современников и их характеристик все «то, что вспомнилось» автору, является трудом поистине ценнейшим.

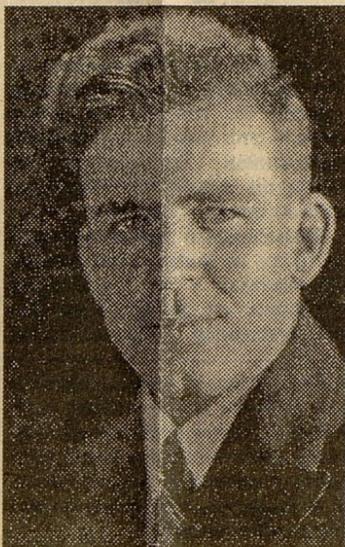
Свое жизнеописание автор начинает с раннего детства (Андреев помнил себя с четырех лет). В первых главах («Андреевы», «Детство», «Торжок») перед читателем проходят запоминающиеся зарисовки из жизни и быта семьи русских интеллигентов (его родители были учителями), картинки политической жизни провинциального Торжка, Петербурга, именины Извары, где позднее застанут Андреевых революционные события.

Вот как запомнилось шестилетнему мальчику начало Первой Мировой войны:

«Вдруг в одно прекрасное утро я проснулся от невероятного грохота телег, который непрерывно возрастал. Я побежал к окну и увидел, что по Пятницкой одна за другой движутся вереницы подвод, на которых сидят мужики и бабы, и все это плачет и кричит, и ужасный шум стоит от огромного количества людей. Оказалось, что на той же Пятницкой, наискосок, было военное присутствие и началась мобилизация. Мгновенно весь стиль города изменился, крестьяне понаехали тысячами и старались держаться бодрячками, хотя их забирали на военную службу, а бабы выли, это и нарушило покой богоспасаемого города Торжка».

Здесь же следует отметить, что на протяжении двух томов воспоминаний Николай Ефремович остался, по собственному признанию, «верным своему природному русскому», который был ему «бесконечно послушен». К слову, его язык как «верного служителя русского» высоко ценили М.Алданов и Б.Зайцев.

В последующих главах речь идет о семнадцатом годе (глазами подростка: «Создалось впечатление, что весь год был праздник, который, однако, кончился октябрьским переворотом»), последних днях пребывания в России, уходе вместе с потоком беженцев и остатками военных подразделений в Нарву. На глазах мальчика происходит и ярко запечатлевается потеря всего, что было в России: разрушается общество, гибнет се-

Николай Ефремович Андреев.

турная панорама русского зарубежья, сначала в Эстонии, затем в Чехословакии. В главах, посвященных жизни и учебе в Эстонии (Андреев в 1922 г. поступил в ревельскую гимназию), автор описывает период становления русской колонии (численность русских в начале 1920-х составляла в Эстонии 110 тыс. человек), систему образования, каждодневный быт русских эмигрантов, культурную жизнь эстонской столицы. Николай Ефремович был непосредственным свидетелем этой жизни, активно участвуя в работе литературных и театральных кружков.

На фоне описываемых событий автор дает, пожалуй, впервые в эмигрантской мемуаристике портреты таких деятелей культуры, как театральный художник Николай Роот, словесник Владимир Соколов, давший в пользу русской гимназии свою огромную библиотеку, председатель русского учительского союза в Эстонии С.М.Шиллинг, журналист Вл. Новичкий, актер и режиссер Лев Эрберг. Страницы доброй памяти посвящает автор своим духовным наставникам, деятелям Церкви в Эстонии: о Павлу, будущему епископу Нарвскому и Ижорскому, о Николаю Пятсу, старшему брату будущего президента Эстонии. Больше всего

позднее Юрий Иваск назовет «стилем февральской революции», при котором «русские могут мирно жить в Эстонии в демократических условиях» («Новое русское слово», 14 декабря 1979).

Важной вехой в жизни Н.Е.Андреева стал 1927 год. Встал вопрос о продолжении образования. Выбор пал на Чехословакию, где усилиями чешского правительств была создана мощная система образования для русских студентов. Николай Ефремович поступает сразу в два заведения: Кооперативный институт и философский факультет Карлова университета. На втором курсе он становится личным стипендиантом президента республики Т.Масарика.

Автор воспоминаний подробно описывает свои студенческие годы, дает характеристики своих учителей, известных русских ученых. Среди тех, чьи лекции ему по-настоящему хотелось слушать, были Е.А.Ляцкий и В.А.Францев (литература), Д.Н.Иванцов (политэкономия), В.С.Ильин (общая ботаника), П.Н.Савицкий (экономические науки) и др. В Русском философском обществе читали лекции Н.О.Лосский, С.И.Гессен, И.И.Лапшин, приезжали Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, Ф.А.Степун.

Будущий ученый принимает самое активное участие в научной и литературной жизни в Праге. Поступает в семинарий Н.П.Кондакова (по приглашению его руководителя проф. А.П.Калитинского), посещает собрания литературного объединения «Скит поэтов» (в воспоминаниях выделяет «блистательных» Вяч. Лебедева и А.Эйснера), вносит свой вклад в проведение «Дней русской культуры». И таким образом наше представление о русской эмиграции в Эстонии и Чехословакии пополняется буквально с каждой новой страницей книги, с описанием каждого нового события, будь то личного или общественного. (Что особенно важно, так как об этих центрах русского рассеяния написано до обидного мало по сравнению, скажем, с Францией.)

Главы «Русская Прага», о поездках автора в Печоры, «Кондаковский институт» рассказывают о научной карьере Николая Ефремовича (в 1933 г. он получает степень доктора философии), первых серьезных научных работах (некоторые из них мы упомянули в начале рецензии) и хронологически подводят читателя к 1939 году, году начала Второй Мировой войны. В этом году Н.Е.Андреев становится директором Кондаковского института и остается им вплоть до прихода советских войск в Прагу.

Последние главы воспоминаний посвящены событиям трагической для многих эмигрантов пражской весны 1945-го. Начались повальные аресты среди русских. «К Николиному дню 22 мая 1945 г. выяснилось, что почти все выдающиеся представители эмиграции или сидят, или уже побывали в лапах советских органов», — пишет автор. Из тех, кого хорошо знал Николай Ефремович, сразу же были арестованы бывший директор Кооперативного института проф. Маракуев, деятель «Крестьянской России» Б.В.Седаков, проф. А.Л.Бем, бывший директор русского архива в Праге С.П.Постников, бывший консул В.Рафальский, журналист С.И.Варшавский.

История ареста последнего настолько характерна и красноречива, что трудно удержаться от того, чтобы не привести ее хотя бы вкратце:

«Политические полиции всех режимов любят селиться в те помещения, где были предыдущие политические полиции, как бы символизируя непрерывность по-

литического сыска. Режимы меняются, а сыск остается. Варшавского привезли в элегантную виллу (до прихода советских войск здесь располагались отделы СС. — Л.М.), ввели внутрь: «Садитесь за стол, вам придется написать вашу биографию». Стопка бумаги, чернила. Потом капитан на него посмотрел и сказал: «Пожалуйста, снимите галстук и выньте шнурки». Капитан все взял и унес, а Сергей Иванович сидел и писал... Когда он писал уже часа три, ему принесли баснословный ужин, потом крепчайший сладкий чай. Еще через полчаса — видимо, в это время читалась биография, был уже поздний вечер — вдруг вошел капитан, принес ему шнурки и галстук и сказал: «Одевайтесь, я вас сейчас выведу». Провел его мимо часовых и сказал: «До свиданья». Варшавский шел по хорошо знакомым ему

улицам... всех успокаивал, говорил: «Меня выпустили, я только что оттуда...» Потом он пошел домой... вошел в дом, и в этот момент приехала советская машина, и Сергей Иванович Варшавский исчез навсегда».

Вскоре был взят и Николай Ефремович. Два с лишним года, проведенные в советских тюрьмах и лагерях (на территории Чехословакии и Восточной Германии), он назовет в своих мемуарах «вторым университетом», благодаря которому он узнал советскую систему «не на дипломатическом приеме», а как «человек КПЗ».

В 1947 году советские власти выпустили Н.Е.Андреева. В том же году он получил и затем принял предложение Кембриджского университета занять кафедру. На этом воспоминания прерываются. Книга заканчивается словами: «Англия дала мне много очень хорошего, но были и большие разочарования: я не смог сделать карьеру и остался до известной степени варягом в английском академическом мире... Рассказывать об этом мне не хочется, поэтому я кончаю изложение истории своей жизни».

Увидевшие свет воспоминания Н.Е.Андреева — безусловно, событие в истории и российской культурной жизни, особенно на фоне грустных размышлений о том, что практически не остается свидетелей первой эмиграции, способных рассказать нам о пережитом времени и заполнить существующие пробелы в истории русской эмиграции.

В заключение хотелось бы сказать слова глубокой благодарности редакторам книги Екатерине Николаевне и покойной Джилл Губертоне Андреевым, выполнившим сложнейшую задачу по переводу разговорной речи автора воспоминаний в текст написанный, текст, читаемый с неподдельным интересом от первой до последней страницы.

ЛЕВ МНУХИН

Москва

«Русскую мысль»
в Иерусалиме

можно купить в общинном доме —
39 Jafó str., 91313 Jerusalem
и в магазине «Золотая карета» —
129 Jafó str., 91064 Jerusalem